

Поразительная

18+

Убить мало

Поразительная Убить мало

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67063713
SelfPub; 2022*

Аннотация

Убийца выходит из мест заключения и по пути домой совершает новые преступления. Любовь, поразившая его непутёвую душу, привела к неожиданному финалу.

Поразительная Убить мало

Убить мало (триллер)

Раненый на всю голову зверь вслепую пробирался по бу-релому. Животный страх гнал его вперёд, назад, или по кругу, кто это разберёт в плотно заросшей вековыми деревьями тайге. Раздирая конечности об острые, почти стальные сучья, он не издавал ни звука, будто боялся, что его кто-нибудь услышит. На мгновение остановился, задрав морду, уловил свет меж густых кедровых лап и, словно учуяв что-то, с новой силой двинулся в сторону.

Звериный нюх не подвёл, через какое-то время он выполз из непроходимой чащи и бездыханно упал на краю песчаной пропасти. Проваливаясь в долгожданное забытьё, успел увидеть под обрывом воду, но сил добраться до неё уже не хватило.

Солнце зашло за деревья на противоположном берегу реки, когда человек – зверь очнулся и, наконец, добрался до водоёма.

Пил долго и медленно, словно хотел вместить в себя, по крайней мере, полреки. Как верблюды запасаются впрок водой на долгий путь через пустыню, так и заплутавший путник пытался напиться на всю оставшуюся. Спихватился, да поздно. Живот раздулся, как барабан. Забыл, что надо ему

плыть на другой берег, жажда мозга затуманила.

Придётся отлежаться на берегу. Ничего страшного, можно и ночью переплыть. Только бы медведь не наведалься, совсем не желательна была сейчас такая встреча, с голыми-то руками. На комариные тучи человек не реагировал, будто кожа у него была слоновья или, может, насекомые его считали за своего и не кусали.

Человек застывшим взглядом смотрит на воду. Не река вовсе, а речушка, ручеёк. Вода ласковая, как парное молоко, только что не белое и не молоко. Молочка бы он сейчас испил, любит это дело с детства... Да было ли оно, детство?

Матушка наварила много рожек, растопила на сковороде сливочное масло и высыпала на неё всё содержимое кастрюли. Маленькие макарончики аппетитно шкворчат, покрываясь золотистой корочкой. Свежие, не переваренные, чуть-чуть подсолённые, маслянистые рожки – любимая еда дорогого дитя. Горбушка хрустящего белого хлеба слева, да полный стакан тёплого молока справа от сковородки.

Мать гладит сына по ершистой голове и радуется его отменному аппетиту. Подливая молока из цинкового бидона, нарочито серьёзно наказывает аккуратнее вести себя на речке. Доложили уже ей сердобольные соседи, как он переплывал на спор Оку в самом широком месте. Это же надо было такое придумать! Мальцу ещё и десяти нет, а меряется силами со взрослыми парнями.

Взяв с сына честное слово больше не вытворять таких опасных безобразий, она отправляется на смену. Хороший парень у неё растёт, смелый! Из школы одни пятёрки, да четвёрки таскает, хотя за учебниками его не замечала, видно способный очень. Не чета батюшке, совсем обезумевшему от этой проклятой водки. Зальёт шары, да гоняет их по двору. Нет бы спать лечь, а он начинает выяснять, почему жена с сыном с ним не разговаривают. Васютка стесняться стал отца, друзей домой не приглашает. Не первый раз уже задумывается Валентина о разводе, но всё откладывает на потом.

— Что ты мне тут перед носом крутишь? Я что тебе, пацан, что ли?

Отец, нервный от того, что не на что выпить, оттолкнул Василия, проходящего мимо. Сын шёл на кухню поздравить маму с днём восьмого марта и нёс в руке подарок. На сэкономленные от школьных обедов деньги купил красивую шариковую ручку. Смущённо повертел ею перед лицом отца, хотел, чтобы тот похвалил его, но получилось совсем наоборот. Отец долго орал на сына, доведя его до слёз.

Ручка маме очень понравилась, она была счастлива от такого внимания сыночка, но сердце болело из-за поступка мужа. Тот психовал и ненавидел всех вокруг, матерился на чём свет стоит. Вася, расстроенный, не зная куда себя деть, убежал на речку.

Летом можно было бы уплыть на остров, где нет злого отца и вечно плачущей мамы. Скорее бы школу закончить. Ва-

Василий мечтал стать военным, разведчиком. Для этого у него были все данные. Ум, сила. Хоть роста он небольшого, но выносливости ему не занимать. В свои тринадцать лет сдавал нормы ГТО десятиклассников.

Вода в Оке холодная в начале марта, даже лёд ещё виднеется кое-где. Разгорячённый Васька разделся и с разбегу прыгнул в мутную реку. Даже поплыл, не очень соображая, зачем он это делает. Вовремя повернул обратно.

Гуляющие на берегу люди кинулись спасать мальчика. Василия трясло то ли от холода, то ли ещё от чего-то, но он, собрав одежду в охапку, побежал в дальние кусты, чтобы над ним никто не стонал.

На душе полегчало, хотя отца по-прежнему хотелось ударить и не один раз.

Вася жалел и не понимал мать. Один раз даже спросил у неё, зачем она всё это терпит, почему не уйдёт, хотя бы к бабушке. Как было бы хорошо и спокойно без каждодневных скандалов. Мама хмурилась и говорила, что это очень стыдно, люди осудят. Сама терпела и сыну не позволяла жить нормально, хотя считала, что всё делает для его же блага. Какой-никакой, а отец.

Васька учился в десятом классе, когда отец, придя домой в пьяном состоянии, полез на мать с кулаками. Наверное, такое случалось и раньше, но сына в то время не бывало дома.

Василий, не помня себя от ярости, схватил кухонный нож и бросился на отца. Нервы у пацана были на пределе, он за-

щищал мать. Валентина успела прикрыть мужа, и удар острым ножиком пришёлся по её руке, располозовав ладонь до кости. Большой палец повис и держался на честном слове

В больнице руку матери зашили. Врачи советовали в будущем не затачивать так остро ножи и быть поаккуратнее. Отец протрезвел и молча сидел в зале перед телевизором, а Василий оттирал кухню, забрызганную маминой кровью. Он молча ненавидел отца и удивлялся, как это оказывается просто орудовать ножом. В следующий раз он уже не промахнётся и отомстит отцу за страдания, которые тот приносит маме.

Даже после этого случая Валентина не оставила мужа. Сын, глядя на них, решил не вмешиваться. Пусть хоть поубивают друг друга. В Василии проснулось равнодушие к своим предкам, так они ему надоели. Ни совместных ужинов или завтраков, никаких серьёзных или весёлых разговоров. Парень всё больше отдалялся от родительского дома и заводил новые компании.

Человек разделся до трусов и скрутил одежду в узел. Маленький, довольно крепкого телосложения, человечешко медленно, словно нехотя, зашёл в реку и, оглянувшись, поплыл, размахивая одной рукой и работая сильными ногами. Река любила его и держала на поверхности, даже когда он переставал грести. Здесь он был спокоен, защищён и не торопился очутиться на суше.

В народе ходит поверье, что ночью не желательно купаться в водоёмах, водяная нечисть может затянуть и не отпустить. Страшновато плыть, когда вокруг чёрная вода и тёмное небо, но нет страха вокруг, если его нет внутри тебя. Человек—рыба приблизился к берегу. Человек — зверь ловко, на ощупь, соорудил себе убежище и, не жрамши, завалился спать до утра, прикрывшись ветками. Лесные зверюги его не тронут, он свой для них, весь пропитанный тайгой и свободой.

— Чика, ко мне! Фу! Чика, домой!

Собака зашла в непрерывном лае, обнаружив под кустом орешника живое существо. Лохматый, с бородой, весь покрытый листьями, человек походил на лешего. Не планируя просыпаться так рано, он недовольно перевернулся на спину и уставился глазками-щелками на непрошенных гостей.

— Вы кто такой? Затерялись в тайге? Вставайте, земля здесь сырая, застудитесь. Где ваши вещи? Утопли? Ну и ну! Повезло вам, мы капканы по утрам проверяем, вот Чика вас и унюхала. А если бы мишка? Здесь места глухие, медвежьи. И провизии у вас никакой. Идти можете? Здесь не далеко. Вы не глухонемой?

— Да вроде нет.

Василий ещё не понял, радоваться ему такой встрече или опасаться. Не рассчитывал он ни на чью помощь, а тут прямо такая забота. Баба с ружьём уверенно шагала впереди, вслед

за жучкой, псиной с денежной кличкой. Игра в школе была такая, на деньги, <<Чика>> называлась.

— Как обращаться прикажете? Меня величают Ларисой Петровной. Жена лесничего я, сам в город уехал на три дня. Баньку сейчас затопим, накормлю, а потом и расскажете. Сюда не прибиваются случайные люди, наверное, что-то случилось у вас.

— Ничего не случилось, просто с пути сбился. Завтра выйду на дорогу, на попутке уеду.

— Да, здесь из посёлка даже автобус ходит по расписанию. Только до дороги добираться часа два придётся. Банька готова. Скидывайте одежонку, постираю.

— Сам справлюсь.

Выйдя из хаты, человек проверил карманы куртки. Содержимое на месте. Посидел для виду в бане, мыться совсем не хотелось. Мысли путались, надо было составить план бегства. Угораздило же этой курице найти его на берегу. Спал, никого не трогал. Сама виновата...

— Зовут-то вас как? Садитесь за стол, щей уже налила. Что-то Чика запропастилась куда-то, не вертится под ногами, — затараторила хозяйка, услышав, как заскрипела дверь в избушку и, не услышав ответа, резко повернулась. У порога стоял гость с топором в руке. Он медлил, не спешил проходить. Лариса присмотрелась и разглядела кровь на лезвии колуна.

— Васькой меня кличут.

Спрятав свидетелей в подполе, чтобы не испортили аппетит, убийца набил пузо и котомку до отказа. Хорошо бы подальше в лесу закопать хозяйку с собакой, да лень было возиться, пора выбираться из этой глуши. Никто на него не подумает, мало ли кто здесь мог шастать.

Вон сколько крестов стоят в тайге вдоль дорог, многие находят тут свой вечный покой. Приезжают за длинным рублём, за золотом, а их выслеживают и уже поджидают на обратном пути.

Не найдя в доме ничего интересного, Василий отправился по одному только ему известному маршруту. Зверь Василий, убивший на одной стороне реки любителя-искателя ради маленького мешочка с золотым песком, а на другой – потерявшую бдительность жену лесничего. Ружьё не взял, он и без оружия чувствовал себя в тайге, как дома.

Освободившись из мест вольного поселения, Василий направлялся к своему давнему месту жительства, по пути совершая преступление за преступлением, убийство за убийством. Грабил и ликвидировал свидетелей. Тайга заметала его следы.

По расчётам он уже давно должен прибыть в свой город. Ну задержался немного в пути, кто будет в этом разбираться. Прибудет и встанет на учёт, как порядочный.

Шёл долго, не на автобусную трассу. Заночевав в лесу, утром вышел в нужном месте, а к вечеру его подобрала огромная машина, ехавшая с приисков. Водитель сделал вид,

что поверил растерявшемуся Василию и довёз его до станции. Тайга в очередной раз замела плутавшие следы преступника. По справке об освобождении ему выдали билет в общий вагон.

Родительский дом как будто стал меньше, врос в землю, завалинка осела и скособочилась. Несколько лет прошло, как осиротели эти стены, похоронив одного за другим своих обитателей. Сорокалетний Василий не горевал по этому поводу, знал, что родителей уже нет в живых.

Длинный срок он отсидел в тюрьме за убийство старика-ветерана, не желающего добровольно отдавать свои военные медали и ордена. Вместе с дружкой издевались над дедом. Утром, протрезвевших, их увезли, судили и посадили на пятнадцать лет. Последние годы срока отбывал на химии, на поселении, а после освобождения остался в тайге, ставшей ему родным домом.

Звериная сущность Василия с годами только разворачивалась с новой силой. Он не жалел никого и сам сдохнуть не боялся. Не нарадовался, не погулял, не влюбился, не пожил нормальной человеческой жизнью. Теперь он хозяин этого домика. Заживёт Василий, как захочет. Золотишко есть, на первое время хватит. Совсем тоскливо станет, можно снова на нары попроситься, вон сколько народу вокруг. Подумаешь, одним больше, одним меньше. Всё равно все когда-нибудь скопытятся.

Открыл незапертую дверь в сенцы и устало опустился на

крашеную скамью, стоящую вдоль стенки под окнами. Знакомые стулья, вёдра, ковшик напомнили о далёком беззаботном детстве. Тогда не надо было думать о том, где заработать денег, ну или украсть, что одинаково проблематично.

Василий поленился выламывать дверь в хату, теперь это его хозяйство, ему же ремонтировать придётся. Довольно улыбнулся и пошёл за ключом.

Римма Геннадьевна пересчитала спиной и задницей все пять ступенек, которые оформляли недавно построенную веранду, ставшую излюбленным местом хозяйки. Теперь летом и ночью она с удовольствием спала на диванчике, почти у порога. Утром встала, и уже в огороде. Да и пышную кровать не надо разбирать, да сызнова собирать. В комнатах чистота и порядок, как в музее. На комод продуманным строем стоят статуэтки, каждая из которых – произведение искусства. Над комодом и кроватью висят старинные картины, наверняка, подлинные. Римма Геннадьевна летом почти не заходит в дом, если только немного охладиться в жару душой и телом. Своей новой веранды ей вполне хватает.

Испугавшись железного стука в ворота, Римма споткнулась о половицу и упала на порог. Никто ещё так не ломился к ней, вот сейчас кому-то достанется на орехи!

— Господи помилуй! Вам кого? Что за безобразие?

Отодвинув металлический засов и приоткрыв тяжёлую дверь, она увидела странное существо, похожее на человека, в одной руке держащее бутылку водки, а в другой буханку

хлеба и пачку пельменей.

— Стучу, стучу во все окна. Где ты ходишь?

— Василий? Ты ли это? Зачем так тарабанишь, я же не глухая. Проходи во двор, сейчас ключи вынесу.

— Пельмени свари, соседка, я со своей едой пришёл, не бойся. Выпьешь со мной?

— А почему бы и нет. С освобождением тебя. Давно на свободе?

— Давно. Добирался долго.

— Не дождались, горемычные, не порадовались.

— На работу мне надо устраиваться. Поможешь?

— Ты закусывай, закусывай. Капустка вот, помидорки. Пельмени где купил? Покупные, они и есть покупные. Ешь. Да, вроде, не исхудал, хорошо, видно, кормят в тюрьме.

— По работе что скажешь? – Василий, не скрывая озабоченности, разглядывал полную грудь Риммы Геннадьевны.

— Начальников хватает, а вот водители на автобазе нужны. Только без документов кто тебя примет. Права обязательно нужны.

— Этого у меня, как иголок в лесу. Какие хошь, на любую машину или трактор. Паспорт получу позднее, замолви за меня словечко.

— Ладно, замолвлю. Родителям твоим обещала не отказывать тебе в помощи. Ну и ты не подведи меня. У нас автобусы, а, значит, людей возить будешь. Это тебе не лес валить. Всё, давай топай, обустройвайся. Как узнаю что-нибудь, за-

бегу.

Римма Геннадьевна с ужасом думала, как она будет просить начальника автобазы, где она работала главным бухгалтером, взять бывшего зека на работу.

На удивление, директор оказался мировым мужиком и разрешил принять Василия без промедления, с испытательным сроком в две недели.

Строго соблюдая правила перевозки, Василий медленно вёл автобус по маршруту. Пассажиры уже знали, что на его машине быстро не доедешь. Аккуратно и бережно высаживал и садил людей на остановках строго по расписанию. Начальству понравился такой дисциплинированный водитель, и через две недели его оформили на постоянную работу в автопарк.

Зима требовала особой осторожности на дороге. Василий перестал пить водку и старался высыпаться. Одинок засыпая в жарко натопленном доме, он отгонял мысли о своей прошлой жизни, но картинка неглубокого погребя, куда он спихнул зарубленную собаку с хозяйкой, часто мешала его полноценному отдыху.

Сейчас бы он не стал убивать жену лесника, реально понял, что их дом находится очень далеко от убиенного золотоискателя. Но там ему так не казалось. Хотелось легко и просто воткнуть топор в очередную жертву, почувствовать,

как легко вонзается лезвие в живое мясо. Тогда, в детстве, у Васьки это получилось нечаянно. Располозовав руку матери, он запомнил это ощущение. Как будто кусок торта отрезал.

Новая трезвая и ответственная жизнь Василию нравилась. Жениться даже надумал. Легко познакомился с разведённой ровесницей и приглашал её по выходным в кино. Денег не жалел, его шофёрской зарплаты хватало на безбедное существование.

Женской же руки в доме не хватало. Хотелось, наконец, не ходить на борщ и компот к Римме, а ощущать эти запахи у себя в хате. Да и по женской ласке соскучился, не старый же ещё. В тюряге, и то, приходили в камеру деушки... Есть что вспомнить! Во вытворяли! Честно отработывали свои деньги.

Пожились одним днём. Татьяна переехала с тремя сумками вещей к Василию и, в первую очередь, занялась шторами и шторками. Шторки, это такие маленькие кухонные занавесочки не только на окне, но и под столом, и над печкой. Холостяцкая кровать превратилась в роскошное брачное ложе.

Василий, конечно, ещё тот бука, но и Татьяна не любила много разговаривать, так что семейка сложилась вполне удачная.

Самое смешное, что новоиспечённая жёнушка абсолютно не умела готовить. А смешное потому, что она работала в столовой. Конечно, не поваром. Тогда было бы не до сме-

ха. Василий, мягко говоря, очень удивился уже во второй их совместный вечер.

Привыкший добывать себе еду в любых условиях, тем более по теплу, он наловил на Оке сетью немало рыбы. Принёс домой и попросил Татьяну пожарить парочку лещей. Сам сбегал в уборную и обратно.

То, что он увидел, когда вернулся, повергло его в ступор. Потерявший дар речи, и без того молчаливый, Василий за хвосты убрал со сковородки рыбу. Нечищеную, непотрошеную. Татьяна почему-то решила, что её можно пожарить прямо так, даже не ополоснув.

Хмурый Василий решил, что она издевается и лёг спать на полу. Татьяна среди ночи всё-таки позвала мужа на койку. Утром нажарила картошки, да сожгла половину. С собой на обед взять было нечего. Когда жил один, с вечера готовил себе баночку с едой. Похоже, ничего не изменилось. Настроение отвратительное, желудок пустой, жена что-то там опять трёт тряпкой.

Шаткое нутро Василия нервничало и желало разрядки. Лучшее средство для успокоения нарастающей злости и разочарованности – водка. Нет счастья в жизни, тем более в семейной. Пошло оно всё к чёрту, и работа туда же. Все вокруг сволочи.

Василий беспробудно пил и отмокал в Оке, до берега которой рукой подать. Отмокал и снова пил. С работы его никто не искал, что было самое обидное.

Жена исчезла, забрав все свои занавески. Василий моментально забыл её голос, не часто им приходилось разговаривать между собой, только на койке и общались.

Недолго продолжалась мирная жизнь бывшего убийцы. Опять потянуло на подвиги. Хотелось отомстить всем за свою неудавшуюся судьбу. Наведался на автобазу, но с ним там даже разговаривать не стали. На проходной поскандалил с охранником, обматерив всех и вся. И опять водка и речка, которая никак не хотела проглотить его вместе с потрохами.

— Тихо ты, отвязывай лодку, я пока камни покрепче привяжу. Не греми, мне кажется, что в кустах кто-то есть. Пойду посмотрю.

— Ветер это. Кто ночью припрётся сюда. Помоги лучше. Где-то вёсла здесь были под сиденьем.

Василий, в стельку пьяный, полз к воде, ничего не видя перед собой. Мордой по камням, как раненый зверь, оставляя следы крови из разбитого носа. Сунулся в речку и, захлёбываясь, отпрянул назад, свалившись на спину. Нащупал какую-то тряпку. Трезвея, начал тереть ею свою окровавленную рожу. Дома водки больше нету, придётся лечь спать до утра.

Василий добрёл до своей хаты и упал, не раздеваясь, на пол.

Утром его разбудил грохот сапог. Милиционеры зашли в незапертые двери и принялись шариться по всем углам. Не найдя ничего для себя подходящего, оглядев невменяемого

спросонья хозяина, махнули на него руками и покинули провонявшее перегаром помещение.

Теперь у Василия одна дорога за помощью, но Риммы дома не оказалось. Собаки из всех близлежащих дворов неистово облаяли непрошенного гостя.

Василий прошёл два квартала и свернул в проулок. Дружок детства даже не спросил, каким это ветром занесло Ваську в его уютную избушку.

Митька жил в дедовском домике с молодой бабёнкой, любившей его кошачьей любовью, обволакивавшей не только самого мужика, но и кухню, комнату, двор этого гнезда. Женщина была немного не в себе. Про таких говорят, что у них не всё в порядке с головой. Она очень мало и медленно разговаривала, спокойно прибираясь и готовя еду, ласково поглядывая на Митьку.

— Везёт тебе, Митюха! Хорошая баба. В постели мягкая, аппетитная шлюшка. Может поделишься? Она для тебя согласится.

— Поддувало закрой! Ларку обижать нельзя, она блаженная, любит меня, как никто никогда не любил. Есть, пить хочешь? Садись.

Митька сполоснул рюмки и налил водку. Лариса волнительно плавала по кухне и ставила на стол закуску. Еда, как и сама Лара, была настоящая, домашняя. Что-то женщина приготовила здесь, а многое притащила из родительского дома.

Мама и отец Ларисы были людьми верующими, приближенными к церкви и очень любили свою больную дочку. Они желали ей счастья и, понимая, что она влюбилась, не мешали, а помогали единственному чаду. Снабжать продовольствием дитяtko – их посильная задача.

Родители Ларочки, конечно, знали, что Дмитрий здорово пьёт, но закрывали на это глаза. Они были благодарны богу, что Митька живёт с их неполноценной дочкой. Счастье дочери – их счастье.

В Митькином доме дышит стариной самая настоящая русская печка. Зимой Лариса готовит незамысловатую еду именно в ней. Самая обычная картошка, сваренная в котелке в печи, получается особенной. Сейчас, летом, на печке прохладно. Лариса не стала сидеть с пьяными мужиками за столом, а забралась наверх. Укрывшись тёплым одеялом, она не сводит влюблённых глаз с любимого.

— У меня есть золотишко, могу расплатиться за бабу. Дай хоть потрогать, – Василий тяжело поднялся со стула и, шатаясь, направился к печке.

Митька пьяно дремал, пристроив голову на столе. Очнувшись от визга Ларисы, он мутными глазами смотрел на дружка, который стягивал одеяло с печки.

Тяжёлый кулак Дмитрия, который был на голову выше Васьки, не заставил себя долго ждать. После одного удара в голову, последовали пинки во все доступные части тела и, окончательное выкидывание гостя на улицу. Молча вылетел

Васька из ворот, прямо харей в утоптанную глину.

Почти трезвый Василий по дороге домой забрёл к сердобольной соседке. Римма денег не дала, только налила миску горячего супа. Есть после Ларискиных харчей не больно-то и хотелось, но про запас схлебал всё. Когда ещё придётся пожрать, денег-то совсем нет.

Так и не пристроил таёжник своё награбленное золото, не получилось поменять его на деньги. Римме тем более такое не нужно. Даже предлагать не стоит, только напугается и, вообще, двери открывать не станет.

— Что же ты творишь, Василий! Пьянка никого до добра не доводила. А тебе разве можно пить? Лучше сразу иди сдавайся в тюрьму, пока не случилось чего.

— Чего хорошего бы сказала, а то всё ворчишь, ворчишь... Надоела...

— Надоела? А что же ты ко мне, как к тёте родной приходишь? Надоела я ему! Да я ни разу у тебя в доме с твоего приезда не была. И ты ступай, чтобы я твоей ноги не видела больше. Ишь ты! Надоела!

— Чо завелась? Ну хошь, золота тебе дам? Думаешь, я совсем нищий? Да я могу всю вашу улицу купить, если захочу. Неохота мне просто...

— Шагай, Василий, хватит болтать что попало. В городе и без тебя ужасы творятся. В газетах такое не пишут, но народ зря болтать не станет. Люди стали пропадать. Утром уйдут из дома, и с концами.

— Я их не встречал...

— Тьфу! Язык твой поганый! Недавно потерялась женщина из нашего района, я даже знаю кто такая. Не нашлась ещё.

— Теперь понятно, зачем менты ко мне с утра приходили. Облавы, суки, устраивают. Я тут чистый...

— Тут? А где не чистый? Всё, Василий, иди и больше не приходи, мне некогда с тобой заниматься.

— Да пошла ты!

Ноги опять понесли Ваську к дому дружка. Вокруг темень, на маленьких улочках фонарные столбы были редкостью. Спотыкаясь и матерясь, Василий добрался до знакомого забора и свалился под ним. Голова трезвая, а ноги не слушаются.

Заскрипела дверь хаты, Васька приник лицом к ветхому забору. На крыльце, освещённом яркой лампочкой, стояла Ларочка, стараясь надеть уличные башмаки. Её пышная красивая фигурка изгибалась с такой непозволительной страстью!

Всей своей похмельной башкой и прогнившей душой Василий осознал зачем он здесь, у этих ворот. Ноги сами привели его к этому дому, чтобы хоть краем глаза взглянуть на Ларису. Он и не надеялся её увидеть, ему достаточно было просто посидеть где-то рядом, недалеко от неё.

Ленивой, вальяжной, даже немного театральной походкой женщина возвращалась из уборной. Её обворожительный силуэт выплывал из темноты огорода и приближался к Васи-

лию. Он уже отчётливо видел полные груди, стянутые тесным халатиком, и слышал запах женского тела.

Очнулся Васька через мгновение, когда за Ларочкой со скрипом захлопнулась дверь. Приплюснутый к забору, в темноте, он остался незамеченным. Руки и ноги дрожали, никогда ещё с ним такого не случалось. Забор уже не был таким низким. Не с такой же лёгкостью, но всё же перелез через него назад, на глиняную улицу и побрёл на берег реки. Домой совсем не хотелось.

В темноте добрался до привычных кустов и, как хищник, затаился в своём логове. Отсюда просматривался длинный берег реки. Он видел всё, его не заметит никто. Звериная доля преследовала Ваську, приходится расплачиваться за свои прошлые и будущие преступления. Вдруг ему захотелось сделать что-нибудь такое, чего он никогда в жизни не делал. И это могло быть только то, что сейчас не давало ему покоя. Лариса не выходила из души, если, конечно, таковая имелась у Василия. Она сидела там, как заноза. Мешала ходить, сидеть, жить. Он даже уже не хотел к ней на печку. Васька заболел Ларисой и хотел, чтобы ей было хорошо.

В родительском доме жилым не пахло, но Василию всё равно. Его дом – тайга. Пора возвращаться, нагулялся по городским улицам, пожил, поработал. Никому он здесь не нужен, даже сам себе. Лучше сдохнуть на воле, на природе. Там хоть комары да медведи им интересуются. Обустроится в глуши на старом месте и будет век доживать, как привык.

Без соседей и ментов.

Василий вытащил из отверстия в поленнице завёрнутый в несколько слоёв бумаги свёрток, крепко перевязанный рыболовной леской. Хорошая куколка, маленькая, но тяжёленькая. Полюбовался на единственное своё богатство и в обнимку с ним завалился спать. Завтра, ближе к ночи, он снова её увидит. Эта мысль – единственное, что сейчас утешало заскорузлое нутро Васьки.

Наутро опять наведались менты. Задавали вопросы, интересовались, почему не работает. Обещали помочь в трудоустройстве, если тот не будет пить. Васька даже удивился, как мягко они с ним разговаривали. Если бы они знали о его делах в тайге, сразу бы повязали. Ничего им неизвестно, сукам легавым. Воспитатели хреновы, себя повоспитывайте. Видал я таких! Ненавижу!

Римма Геннадьевна по дороге на работу зашла к Василию с кастрюлей еды. Сердобольная соседка помнила его родителей и не могла позволить ему помереть от голода. Молча поставила на порог кастрюльку с макаронами и поспешила уйти. Не было желания ни видеть его, ни слышать. Захочет – поест, а нет, так и дел столько! Навязался ей на голову. Если сильно захотеть, можно найти работу! Lentяй.

День для Василия длился целую вечность. Чуть-чуть спустились сумерки, наострил лыжи в известном направлении. Шляясь по улицам, дождался темноты и подошёл к дому дружка. В окнах горел свет. Где-то там, за стёклами она, из-

за которой так гулко стучит сердце.

Хорошо, что у Митьки и его соседей нет злых собак. Так, пугливо, еле слышно, где-то погавкивает одна. Василий привычно перемахнул через забор и уселся на землю в незаметном от двери месте. Только устроился, как выскочил из дома Дмитрий и понёсся в уборную, как будто у него понос. На обратном пути зажёл свет на крыльце и по-хозяйски оглядел двор. Васька вросся в забор.

После многочисленных посещений уборной Дмитрием, наконец из дома вышла Лара. За ней следом Митька. С бешеной скоростью сбегал и вернулся, ругаясь на заводскую столовую. Лариса улыбнулась ему такой улыбкой, что даже лампочка над дверью засветилась ярче. Она не спеша, играя бёдрами, направилась вглубь двора.

Василий, как только за Митькой прикрылась дверь, подбежал к порогу и положил свёрток у входа. Можно было сделать это и после того, как Лариса зайдёт в дом, но Ваське хотелось удостовериться, что она держит его подарок в своих ручках.

Только что он прикасался к свёртку, а теперь она трогает пальчиками этот же предмет и удивлённо тянет леску, пытается порвать. Глупенькая, смешная.

— Митя! Митя! – нараспев зовёт она своего сожителя. — Тебе посылка.

Дмитрий выскакивает из дверей и опять несётся в уборную, спуская на ходу штаны. Лара охает и ахает.

Василия даже при желании увидеть невозможно, какое он себе тёмное место нашёл, но ноги трясутся. Драться нет никакого желания. Вот бы увидеть, как удивится Лара при виде золота! Скорее всего она в этом ничего не понимает. Неважно. Васька отдал ей самое дорогое, что у него есть. Митька честный, Ларису не обидит, поделится.

Вернувшийся из уборной, довольный Дмитрий запихнул мягкую, податливую Ларочку в дом, даже не взглянув на свёрток.

Василий аккуратно пробрался к кухонному окну и заглянул в него.

Дмитрий с Ларисой, стоя посреди комнаты, страстно целовались и обнимались. Свёрток валялся на полу у их ног. Лариса обцеловывала своего Митьку с ног до головы, откуда только взялась скорость в её движениях. В какой-то момент она повернулась лицом к окну, а Дмитрий дотянулся до выключателя.

Лариса наткнулась взглядом на глаза Василия. Свет с крыльца освещал непрошенного гостя. Лара его даже узнала, но не испугалась, а продолжала заниматься любовью с Митькой, который, конечно, не догадывался, что за ними подсматривают. Живот его моментально излечился, получив ласку от любящей женщины.

Свет погас в Митькиной комнате и в душе Василия. Хотелось повеситься или утопиться в любимой Оке, но он знал, что не сможет этого сделать. Ну не дано человеку совершить

такое. Как бы ни было тошно и страшно, не поднимается рука убить себя. Это необъяснимо. Пусть кто-нибудь сделает это, Василий не против. Жизнь, имевшая хоть малюсенький смысл, потеряла и его. Надо срочно уехать, и там сдохнуть.

Каждый новый день был для Василия последним в родном городе, но наступал вечер, и снова давалось себе обещание, что уж после завтра он обязательно уедет. Вот только завтра вечером последний раз посмотрит на Ларису. И этот последний раз никак не желал быть последним.

Римма по-прежнему готовила ему еду. Не бог весть какую, но голодным Василий не ходил. Он обнадеживал соседку, что скоро точно уедет, чего она терпеливо ждала. Не понимала почему тот тянет с отъездом, или бы уже на работу устраивался по-настоящему.

Поздно вечером Васька занимал свой пост у забора внутри Митькиной ограды и ждал выхода Ларисы на подиум. Ларочка же, как будто знала, что её ждёт зритель, надевала для посещения уборной хорошее платье.

— Зачем переодеваешься, на улицу ходить уже поздно, темно, – удивлялся Митя.

— Хочу так, халат надоел.

Дмитрий списывал её поведение на чудачества характера, хвалил, что она такая модница.

Во дворе происходило молчаливое представление для одного зрителя.

Лариса выплывала из дверей на уже освещённый порог и

поворачивалась спиной к Василию. Деланно, с выкрутасами вставляла ножки в уличные шлёпки и торжественно шла в уборную, откуда выходить не торопилась. На обратном пути Ларочка подходила к забору, потягивалась, как будто от усталости, и медленно шла снимать шлёпки. Красотка – высший класс. Василий верил, что этот выход для него.

На следующий день Васька снова жаждал представления. Он уже терял голову, мечтал наброситься на Ларису и тут же, около уборной, овладеть ею, но что-то ранее неизвестное, мешало ему. Он не страшился друга, ему давно было наплевать на него.

Василий робел перед Ларочкой, боялся её обидеть. Она такая нежная, беззащитная, красивая и глупенькая. Хотелось её защищать, но она в этом не нуждалась.

Римма обрадовалась, когда Василий попросил купить ему билет в Сибирь. Наконец-то уедет, гора с плеч спадёт. Два дня ещё как-нибудь потерпеть.

— Милиция тебя искать не будет?

— С чего это? Я должен сообщить, куда еду. Они только обрадуются, что бандит уедет с их территории.

— А куда ты едешь?

— В лес. Сама же билет купила, – Василий усмехнулся, довольный своей решительностью.

— Отправляйся, хуже не будет. Не пожилось тебе в родном доме, ничего не поделаешь. В дорогу я тебе пирогов на-

пеку, а дальше сам, не ребёнок уже. В твоём возрасте люди внуков имеют, пора за ум браться.

Василий с нетерпением ждал последний поздний вечер свидания с Ларисой, когда к нему прибежал переполошенный Дмитрий. Лариса утром пошла к родителям и до сих пор не вернулась.

— От них ушла часа три назад, подруг у неё никаких нет. Где она может быть? Что-то с ней случилось, такого никогда не было. Я надеялся, что она к тебе зашла. Спрашивала она вчера про тебя...

Василий сидел на табуретке, как вкопанный, плохо сообщая. Куда бежать, где искать?

— Почему у меня? Зачем у меня?

Молча вышли оба мужика из ворот Васькиного дома и побежали в противоположные стороны. До позднего вечера они рыскали по городу, расспрашивали прохожих, искали хоть какие-то сведения о Ларисе. Периодически прибегали к Митькиному дому. Как сквозь землю провалилась!

Милиция заявление от родителей приняла, но к розыску не приступила. Сказали, что ещё совсем мало времени прошло, сама объявится.

Василий по-собачьи обшнырял все близлежащие закоулки, исследовал берег реки. Он ощущал своим преступным чутьём, что все дела в городе ведут именно сюда.

То, что его Лариску украли, Васька понял сразу и про-

клинал себя за это. Надо было следить, когда она выходит за ограду, а не ждать ночи. Миленькая, дорогая, найдись... Васька вспомнил разговоры Риммы об исчезновении людей в город, кажется именно женщин. Желудок и кишки будто ошпарило кипятком. Что делать? Что делать?

В то время, как Дмитрий с Василием бегали по городу в поисках Ларисы, к ним в хаты наведальась милиция. Не застав хозяев, отложили визиты на вечер. Не к спеху разыскивать эту умалишённую, наверняка забрела к кому-нибудь по своей глупости, но опросить сожителя и его ненадёжного дружка надо в первую очередь. В любом случае к конкретным розыскным действиям необходимо приступить через три дня после исчезновения человека.

Василий на деревянных ногах брёл по берегу реки, уже не надеясь хоть на какой-то след Ларисы. Прошло часов двенадцать, как она пропала, а кажется, что целая вечность. Господи! Помоги её найти.

Василий отгонял мысли, что с Ларисой могло случиться что-то страшное. Хоть с кем, только не с ней!

Уселся передохнуть в своих кустах, ноги отказывали то ли от усталости, то ли от переживания. Придётся возвращаться домой. Взгляд наткнулся на большую тряпку, прибитую ветром к колючему стволу кустарника. Грязная, изначально белая, она укутывала ветки, будто снегом под Новый год.

Васька отцепил новогоднее украшение и развернул его на коленях. Не грязь это, а кровавые пятна. Давнишняя чья-то

кровь. Убийца ошибиться не мог.

Васька откинулся на спину на ещё тёплые прибрежные камни и закрыл глаза. Лариса, в халате и шлёпках, убежала от него, рукой маня за собой. Она поворачивалась, какое-то время бежала задом, он уже мог дотянуться до её руки, но она отворачивалась и снова убежала, удаляясь всё дальше.

Василий посмотрел на тряпку, понюхал её. Почему так знакома ему эта вещица, можно сказать мусор? В памяти всплывала и тут же гасла картинка, где он держит в руке похожий платок. И голоса, голоса... Нет! Ничего не вспоминается. Наверняка что-то подобное случилось, но он был пьян. Почему же сейчас так больно? И что это так болит? Лариса... Отзовись...

Васька так и уснул на берегу, недалеко от лесопосадки. Ночью, продрогший от речной сырости, отправился домой, где сразу попал в лапы ментов, карауливших загулявшего преступника.

Василия сутки продержали в камере и отпустили, но уезжать куда бы то ни было ему не разрешили. Он и не собирался. Пока не найдётся Лариса, не будет ему покоя. Менты не очень-то стараются, никаких сведений о пропавшей дочери родители Лары не получали.

Дмитрий по-чёрному запил, не прогоняя вечно голодного Василия. Оба, как с катушек слетели. Пили, ели, спали. Опять пили. Запасов еды было достаточно, а на водку деньги

всегда можно найти. Глушили непроходящую тоску по Лариске. Молча. Каждый думал о своей Ларисе. Пропивали последние мозги. Один из них уже точно пропил.

Василий бесцельно слонялся по городу, надеясь на случайный заработок. Дело к осени, может кому дров порубить, не все же живут в благоустроенных хоробах. Копать землю тоже можно, Васька всё сделает за хлеб и водку. В тайгу дороги нет, силы уже не те, даже не доедет. Решил зиму пережить на месте... Хотя, если честно, и не решал ничего, забыл уже, как это делается.

Лариса так и не вернулась. Милиция молчала, но дело об её исчезновении не закрывали. С каждым днём страдания Василия утихали. Этому способствовала всепоглощающая пьянка.

Шаркающей походкой плёлся по улице сорокаоднолетний дед. Помог людям копать картошку, за работу получил деньжищи, которые тут же поменял на чекушку, батон и кулёк карамелек. Собаки, принюхиваясь, на него не реагировали, принимая за своего. Остановился около детей, сидящих на скамеечке, показал им язык и пошёл дальше.

Возле цветущего палисадника стоит девочка лет пяти. Пёстрое платьице сливается с яркими осенними цветами. Тянется ребёнок к верхнему цветку, но не получается, не достаёт. Дед Василий подошёл и наклонил цветочек к самому лицу девочки.

— Нравится ромашка?

— Не ромашка. Это астра. У нас ромашки не растут, у нас только астры и георгины. А тебя как зовут?

— Меня? Георгин. А тебя?

— Леночка. Разве у людей такие имена бывают?

— Разные бывают. Хочешь карамельку?

— Не хочу, я люблю шоколадные. У тебя есть шоколадные?

— Есть, только в другом кармане, дома. Хочешь, пойдём ко мне в гости, я угощу тебя.

— Не могу, мне нельзя вечером гулять. Принеси сюда, я подожду.

— Так ещё же не вечер. Мы успеем, я тут недалеко живу. Я и для мамки дам конфет. Шоколадных.

У Василия внезапно проклюнулся заснувший преступный азарт. Захотелось адреналина, да такого, чтобы всем мало не показалось! Украсть ребёнка. Обмануть и спрятать. Пусть поищут, как он искал Лариску.

— Пойдём, дед, я тебя провожу до дома, а ты мне вынесешь за это конфеты. Мама разрешает мне ходить недалеко.

Девочка взяла за руку Василия и потянула за собой вперёд по дороге. Она торопилась, чтобы быстрее вернуться. Вот обрадуется мама, когда увидит шоколадные конфетки! Дома они давно закончились и будут только зимой, на Новый год.

Василий выпрямил спину и засеменял за девчушкой, озираясь вокруг. Улица пустая, некому обратить внимание на

необычную парочку. Замызганный мужчина ведёт за ручку очень красивую маленькую девочку.

Длинная улица закончилась, они повернули направо и, пройдя несколько дворов, зашли в большие деревянные ворота. Леночка хотела подождать на улице на скамейке, но дед притворился, что у него заболела нога, и самому ему не справиться.

Уже через десять минут мама Лены кинулась её искать. Спрашивала у ребятишек, сидящих на скамейке, у прохожих. Никто не видел куда подевалась Леночка. Папа, зная о происходящих исчезновениях людей в городе, сразу же помчался в милицию. Что творилось с родителями не поддаётся описанию.

Василий же угощал Леночку сухарями и обещал скоро принести шоколадные конфеты. Вышел во двор, а, вернувшись, сказал ребёнку, что мама с папой пошли в гости и разрешили дочке пока побыть здесь.

Леночка даже заплакала, но согласилась. Раз папа так сказал... Ей было страшно в этом некрасивом доме. В комнате не очень светло и тихо.

Дед куда-то постоянно выходил, оставляя девочку одну. Вот и сейчас он вернулся с улицы, принёс какую-то толстую палку, похожую на топор, которым папа рубит дрова, и бросил её под кровать.

Леночка захныкала и стала проситься домой. Дед вдруг сделался таким страшным, зашипел на неё и сказал, что не

даст ей конфет, если она будет плакать.

Василий понял, что его понесло. Зверь проснулся.

Остановить его могло только чудо.

Он ещё не решил, что сделает с девочкой. В больном воображении рисовались картины одна страшнее другой. Ужасные для нормального человека, но только не для него. Может быть, он об этом мечтал всю жизнь, начиная с детства, как только понял, что отец унижает его.

Чудовищная месть наконец-то свершится. Месть всем. Он один в этом чуждом ему мире. Эта красотулька, как никто подходит для роли жертвы.

Василий оглянулся на испуганную девочку, притихшую в углу комнаты и проверил надёжность засова на входной двери.

Римма возвращалась с работы, когда заметила суматоху на главной улице. Люди искали девочку, которая, по словам подслеповатой старухи, ушла с каким-то мужиком. Бабка в это время сидела у окна и глядела на улицу. Судя по платяицу, это та девочка и есть.

Римма, предчувствуя беду, сорвалась с места и быстро побежала к дому Василия. Не чувствуя под собой ног, она пронеслась мимо своих ворот. Ворвалась в ограду соседа и дёрнула ручку двери, ведущей на веранду. Заперто. Никаких звуков не слышно.

— Васька! Открой! Я знаю, что ты дома!

Римма прислушалась и услышала шорох.

— Васька! Открой! Не бери греха на душу! Во имя твоей покойной матери прошу! Открой!!!

Римма что есть мочи тарабанила в дверь.

— Василий!!! Умоляю! Открой!

Внезапно дверь резко распахнулась и наружу выскочил разъярённый зверь Василий. Оттолкнув, не успевшую отско-
чить, Римму, он исчез за оградой.

Римма Геннадьевна, с трудом устоявшая на ногах, забежала в хату и, увидев напуганного, но живого и одетого ребёнка, огляделась по сторонам. Заглянув под кровать, она встала на колени, достала топор и побежала в огород, где забросила его подальше. С глаз долой.

Плачущие мама с папой, милиция, скорая помощь, ничего не понимающая Леночка. У Риммы Геннадьевны поднялось давление, хорошо, что скорая рядом.

Изверг Василий сидел в своём логове и будет теперь сидеть в нём до тех пор, пока его не найдут. А его не найдут, если только с собаками.

Домой пути нет, там на него расставлены капканы – легавые, это точно. Надо было кроме ножа хоть одеяло с хлебом прихватить. Эта сука Римма верещала, как резаная. Благодарен должен ей быть, не допустила убийства невинной души. Благодарен... Что со мной такое произошло? Помутнение рассудка.

В тюрюгу пути тоже нет. Там с такими долго не чикают-

ся... На перо быстро посадят. Или ещё хуже... Сам приговор выносил педофилам...

Никуда пути нет. Загнанный зверь. Сколько можно так продержаться? День, два, три... А зачем? Нет для меня места на этой земле. Никакой пользы от меня, только одни несчастья. Твари все. Суки поганые... Водки бы сейчас...

Еле различимый силуэт лодки причаливает к илистому берегу. В ней двое. В ночной тишине отчётливо слышно лёгкий прибой Оки и голоса приплывших. Довольным ворчанием один даёт указания другому. Василий прислушался.

Эти слова про вёсла под сиденьем он уже слышал. Знакомый шепелявый голос. Двое вытащили лодку на берег и не торопились уходить.

— Надо повременить нам, затаиться. Менты никак не успокоятся. Потеряют бдительность, а мы им снова подарок.

— На нас у них ничего нет, яснее ясного. Повезло нам с твоим тестем, хорошая должность у него, уважительная. И нам прикрытие.

— Надо пока выбрать деваху посочнее, навроде последней. Жаль, недолго продержалась.

— В следующий раз привязывай камни посерьёзнее, чтобы не плавать с проверками.

— Да понял, хватит меня учить. Любишь баловаться, люби и...

Шепелявый от неожиданности замолчал, почувствовав

остриё ножика, направленное ему в спину.

— Только шелохнись, сука...

Василий, заметив, что второй не собирается отсиживать-ся, вогнал нож по самую рукоятку. Раз плюнуть. Да ещё по правому делу. Шепелявый рухнул без звука. Три минуты борьбы, и нож уже у горла второго. Василий хотел узнать главное и медлил с расправой.

— Ну что, дохляк, говори, а то медленно придётся сдыхать, по кускам резать буду. Правду только. Я и сам уже знаю, хочу ещё раз услышать. Имена говори... Громче!!!

После услышанного любимого имени обезумевший Василий воткнул нож в говорливого и пошёл искать тряпку. Она по-прежнему обвивала ствол спасительного куста.

Свежей кровью писал убийца имена замученных и утопленных женщин. Четвёртое написал своей, разрезав кисть острым лезвием. Как флаг привязал тряпку-платок к верхним веткам своего убежища.

У Василия не было страха. Совсем. Он убийца, чуть не ставший детоубийцей, последний гад и мародёр. Единственное, что он сделал полезное, избавил город от этих двоих. Васька посмотрел в сторону трупов и сплюнул.

Василий посмотрел вверх и подмигнул месяцу, удивившись, что умеет шутить. Солнца он больше не увидит. Не очень-то и хочется, если честно.

Не снимая обуви и одежды зашёл в воду. Заходил всё глубже и глубже, пока не поплыл. Вдоль реки, по течению.

Ока удивлённо качала Ваську на своих еле заметных волнах, словно пытаясь усыпить. Он не сопротивлялся. Он был дома.